

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ КРЕДИТОВАНИЕ НА РУСИ

П.М. ЗОЛИН,
профессор НовГУ, доктор исторических наук

Знание финансов и кредита реального отечественного средневековья дает возможность учитывать в истории российского банковедения традиции, идущие из глубин античности. Автор завершает цикл, начатый журналом № 13 - 14 2001 года.

**Отечественные накопления в начале
средневековья**

Средние века во всемирной истории - период от падения Римской империи (V век нашей эры) до падения Византии и открытия Нового Света (XV век нашей эры). Некоторые традиции средневековья продолжаются вплоть до наших дней, а само средневековье наследовало - и в финансах, и в кредитах - многие традиции античности (древности). В итоге Русь от Рюрика до Ивана III, присоединившего в 1478 году Великий Новгород к Московии - это абсолютно средневековая страна, если быть исторически точным. Но по различным причинам, зачастую политическим, ее упорно пытаются именовать «древней». Такие «древности» средневековья оставим на совести их любителей, всех радетелей для всемирных средних веков почему-то «древнерусских» историй, культур, литератур, экономики и финансов.

Истина - основной капитал при средневековом кредитовании - все же требует научных подходов. Надо определить, какие финансовые ресурсы оказывались в руках властителей позднеантичной Скифии (и нередко союзной к ней Германии)? На что в основном эти ресурсы использовались?

Централизованная финансовая система Великой Скифии (где василевсы-басилевсы и в финансах тысячи лет были «цари и боги») неизбежно трансформировалась в централизованную финансовую систему Великой Руси. Именно Русь решала сходные со скифскими царями геополитические задачи. Ведь Скифия (затем страна, как помним, имела названия Сарматия, Готия, Гунния, Болгария от Приазовья и т.д.) была мощной державой на северо-восточных рубежах Римской империи, а позже и на

южных - Византии. Экономические порядки империй частью воспринимались властями державы «князя Роша: Роса». Но и «законы» Скифии неизбежно обогащали экономическую жизнь Древнего Рима и Византии, куда перебирались миллионы переселенцев из северо-восточных и северных земель.

Главным и основным налогом в Риме был поземельный (в большей части Скифии его обычно не платили, так как земля в основном считалась общей). Но, надо отметить, Боспорское царство Приазовья уже до нашей эры имело царскую и частную собственность на землю, сохраняло общинную собственность у окрестных народов. Сами римляне-граждане освободились от поземельного налога за счет завоеванных стран - они считались имениями римского общества. Еще с 167 года до н.э. вся Италия в пределах расселения римских граждан была освобождена от прямых податей. Этого права добивались иногда и все жители огромной империи, хотя из него нередко делались исключения. Поземельный налог обеспечивал и в Византии основные поступления казны. Арабы и близкие им по законам хазары вводили «налог с сохи» (поземельный) в южных княжениях Руси, у радимичей и вятичей.

Хотя «банки» (конторы ростовщиков и т.п.) известны со времен Шумера и Вавилона, современное слово «банк» чаще ведут от римского *banco* - стол для обмена денег (во времена Древних Греции и Рима обмены за такими столами велись и в городах Приазовья). Отсюда возникло понятие «банк» - складчина, складная сумма денег при различных играх. «Сорвать весь банк» - выиграть всю игру.

Придонской царь герулов Аларих (юноша в 17 годков), союзник прибалтийских венедов-прастланян, около 370 года н.э. проиграл войну речесу (королю) Скифии и Германии - Яромиру (Эрмана-

риху, этому долгожителю было около сотни лет). За поражение стали мстить гунны Приазовья, которые считали себя наследниками царских скифов и свято продолжали их традиции. Царями Гуннии (Руси) были Баламбер (Велемир), Манджак (Мундзук-отец Аттилы), Ругила (Роас; дядя), Аттила (в сказаниях болгар Авигохол), Эрнак (Иринарх; у болгар Ирник), Виталиан, Саросий, Гостун. Ранние источники называют Русь Гунигардией, а Киев - Кие, Кунигардом. Болгарские ученые ставили этих приазовских царей в истоки родословной своих правителей.

Аларих в итоге выиграл. В опоре на огромные войска Скифии в 410 году захватил Рим. Его казну пополнили 5 тыс. фунтов золота, 30 тыс. фунтов серебра (римский сенат разрешил переплавить в слитки последние статуи). Порадовались войска щелковым одеждам, алым сукнам, перцу. Многие выходцы из Скифии обосновывались в зажиточных и образцовых римских имениях. Царь Аттила, по разным данным, вероятно, увеличил накопления скифской казны в несколько раз. Он довел войска Скифии почти до 500 тыс. человек, многих сотен судов. Но наследники достойно распорядились наследием не смогли. Ценности частью утекали в соседнюю Византию.

При византийском императоре Анастасии, в окружении которого было немало выходцев из Скифии, накопления имперской казны к 518 году составили 320 тыс. золотых литр (примерно столько же фунтов-гривен, но для точности в литре при Анастасии было 324 гр.). Литр-либр (от него в ряде стран и ведут историю современные «лиры») продолжал традиции «мины» времен царя Хаммурапи, однако 40 веков назад (за 25 веков до Анастасия) мина весила до 520 года.

Девальвация по весу коснулась и греческо-византийской драхмы. Если у древних греков драхма (у римлян - динарий) превышала 4 гр., то в первое тысячелетие нашей эры ее вес довели до 3,4 гр. Арабским аналогом драхмы стала дирхема. Чеканилась дирхема с 695 года, весом обычно около 3 гр. Выходцы из Скифии на рынках Византии и Арабского Халифата (поглотившего Персию) должны были все это учитывать. Да и казна Византии была для северных правителей, например для царя славян Добрента (Даврита), в 576 году привлекательным ориентиром.

Полноценная русская гривна первоначально наследовала традиции позднеантичных фунтов-мин, по весу около 410 гр (96 золотников - драхм или римских денариев). Рубль - по весу полгривны - после 1200 года стал считаться «гривной». А после 1500 года гривну унизили до 10 копеек (тогда, правда, это стоимость почти пуда хлеба или бады

вина). Из дирхемов на Руси изготавливали ногаты (полноценные по металлу) - их приравнивали к 1/25 гривны («ногту»). Популярны были резаны - обрезки и обрубки иноземных монет, зачастую дирхем. Резана - 1/50 гривны. Ее название иногда связывают с Рязанью, где якобы семитские купцы увлекались резкой заграничных монет, по сути - фальшивомонетничеством.

Со времен энеолита в северных краях Скифии тысячи лет оставалась популярной «гривна-кун». Куны - меховые деньги, вероятно, из шкурок куницы (без голов, лапок и хвоста). Куна в отдельные времена могла приравниваться к дирхему или половине дирхема. Еще до 1200 года куну сравняли с резаной (ранее резана принималась за 1/2 куны и 2/3 ногаты). Но, по свидетельствам южных купцов, зажиточные северяне могли себе позволить множество из тысяч полноценных монет серебра (дирхемов, драхм). По сути на модницах висела стоимость тысяч овец или свиней, нескольких десятков отменных мечей - главной ценности для северян в ратные времена. Однако и цена тысяч кун, если видеть равенство полноценной «гривны кун» - куне-мине серебра.

Казна на землях Скифии все чаще называлась хорон-хринг (хрингом ее, в частности, с 565 года именовали в Аварии - будущей Венгрии) или клеть (клад, княжеская или боярская хранительница денег). Казна Аварии частью приняла остатки богатств казны Гуннии времен Аттилы.

В монархических обществах трудно ожидать, чтобы монарх позволил кому-нибудь быть богаче себя. Цари Скифии - как высшие судьи, - даровали и миловали, наказывали и отбирали. Наследники приазовских царей Аттилы и алана Аспара (его род влиял на смену нескольких императоров Византии) могли накапливать на землях Скифии «казну» в 30 - 50 тыс. литр. Но та казна постоянно, как и византийская, иссякала, требовала новых пополнений.

Например, славяне и авары в 617 году вывезли из Византии 200 тыс. золотых монет (по сути 2000 литр золота), как добивался подобной дани от империи около 447 года царь Скифии и Германии гунн Аттила (возможно, его имя связано с Атиль - раннесредневековым названием Волги). Обычно же по формуле «мира для» северяне получали от империй со времен Древних Персии и Рима всего 300 - 400 литр (мин, фунтов, полновесных гривен золота), но имели такие деньги почти ежегодно. Деньги шли чаще на содержание пограничной «тысячи» - отборных богатырских войск (такую тысячу за счет империи содержал Константин Великий около 330 года в Крыму). Это, по сути, будущие богатыри отеческих застав в былинах.

Приазовские болгары, создавшие вместе со славянами Болгирию южнее Дуная с 680 года, стремились к торговым договорам с южными соседями. Подобный договор около 340 года до н.э. заключал скифский царь Атей с отцом Александра Македонского - царем Филиппом. Аналогов хватало и позже. Во времена Гуннии известны торговые договоры наших пращурков с Византией в 434, 447, 467 годах Курос (князь-господин) болгар Кормезий (Кормисош в сказаниях; или Тервел) в 714 году заключил письменный договор с императором Феодосием Адрамитским (тот, правда, правил недолго).

Статьи договора определяли цены наиболее дорогих товаров, гарантировали взаимную выдачу беглых преступников (это было и в договорах Византии с Гуннией), а также требовали от купцов иметь печати или правительственные клейма на своих товарах. Новгород и округа явили археологам сотни таких печатей-пломб, но их нередко считают принадлежностью каких-то документов (а это зачастую гарантии качества товара на раннесредневековом международном рынке). Договор болгары и славяне помнили долго. Болгарский царь Крум (Крым), элиту которого составляли князья и послы из славян, через век требовал от императора Михаила Рангаба соблюдения условий договора 714 года.

Еще один договор Болгарии и Византии известен в 774 году, когда обе стороны обменялись письменными текстами и соответствующими подтверждающими грамотами. Славяне составляли большинство населения в Аварии и Болгарии, но все большие поддерживали Болгарию.

Один из князей славян Вономир в 796 году захватил хинг (казну) Аварии и передал огромные богатства франкам. Вероятно, так думал остановить тогдашний «дранг нах остен» (давление НАТО на восток). Не получилось, как всегда Карл Великий в 800 году коронован императором. А вскоре варяги из заморья уже взимали дань с чуди (иудеев), славян, мери и всех кривичей (прибалтийское «кривс» долго обозначало всех русских, Кривейя - Русь). Хазары брали с полян-руси (княжения округи реки Рось и Киева), северян и вятичей по «беле и веверице от дыма». Пока считается, что веверица - кусочек серебра в 1/3 резаны, в 1/150 гривны - один или два грамма серебра. Одни учёные под «белью» видят шкурку белки, другие - девушку-девственницу (которую можно было в тысячу раз дороже продать в арабском мире). Князь Аскольд Дир (или князья Аскольд и Дир) около 840 года прекратил выплату дани от полян хазарам.

При любых спорах княжения древлян и дреговичей на Руси той поры дани никому еще не пла-

тили. Их принудили к выплатам Рюриковичи. Остальные княжения и «демократии» оказывались на время в достаточно развитой системе налоговых сборов в пользу тех или иных государственных устройств - каганата Хазарии или «хаканов» Скандинавии. В этой системе были и свои пропорции кредитов, чаще обозначаемые «десятиной» (10% от основного капитала).

Накопления и кредитования первых Рюриковичей

Около 860 г. стал властвовать в Хольмгардии (Новгородской земле от Изборска до Белоозера) род Рюриковичей.

Князь Олег, утвердившийся в Киеве и городах у Днепра в 882 году с помощью многих воинов (варягов, чуди, славян, мери, веси, кривичей), положил Новгороду давать по 300 гривен ежегодно «мира для» варягам. Новгородцы платили эту дань варяжской «тысяче» вплоть до самой смерти царя (как его уже считали) Ярослава Мудрого, до 1054 года. При ежегодных выплатах один Новгород обеспечил великим русским князьям около 52 тыс. гривен (до шестой части накоплений Анастасия за пять веков до этого, или на уровне богатств Аляриха 1).

Чтобы платить такую дань и самому существовать, Новгород должен был иметь не менее «12 - 15 тыс. человек податного населения» (ежегодный ВВП около трех тысяч гривен). По пропорциям того периода средневековья одного ратника обычно в полной мере обеспечивало 12 - 15 семей (хозяев) мирных дворов (домов, хаз-хат). Иными словами, Великий Новгород должен был сам зарабатывать - торговлей, ремеслами и т.п. - именно не менее 3000 гривен серебра или даже золота. У древних греков на содержание одного воина уходило 150 - 300 драхм (до трех-пяти мин). Византия стремилась иметь армию до 800 тыс. человек, но зачастую получалось не более 200 - 300 тысяч, разбросанных по разным рубежам империи.

Древляне с 882 г. уже платили дань Олегу по черной кунице со двора. Остальные славяне, кривичи и мера обеспечивали средства на строительство городов, на постройку судов. Радимичи в качестве дани давали Олегу со двора «щелягу» (сикль, шекель - в древней античной норме около 8 гр, две полноценные дирхемы), как до этого ее выплачивали хазарам-иудеям. Платили хазарам «щелягу с сохи» до 964 года и вятичи (жители и округи реки Москвы), пока Святослав их не освободил, взяв на Дону хазарскую столицу Сар-кел (Царскую келью, Белую Вежу; ныне на дне Цимлянского водохранилища).

Но тогда надо признать, что заметная часть населения Руси (до 2 - 3 млн человек) 11 - 12 веков назад монету «щелягу» на двор (в 5 - 7 человек) все же зарабатывала. При этом вятычи у Оки и Волги в ту пору уже платили с «сохия» (губы, хубы) - нескольких десятин пашни (поземельную подать как в Древнем Риме или раннесредневековой Франции). Нередко «щелягу» сравнивают с резаной, есть и иные версии.

Клады-накопления арабских монет IX - X вв на Новгородской земле в последние два века выявляются в основном небольшие (более крупные, вероятнее всего, разорены еще в позднем средневековье). Новгород и ближняя к нему округа дали 11 кладов. Например, клад 1956 года (обнаружен в том году) состоял из 735 монет (131 целая, остальные в обломках), общим весом примерно в 1 кг. Это всего три римских либра, три полновесных гривны. Но это и стоимость около 50 коров, нескольких сотен овец или свиней. Неплохой для своего времени капитал.

Князь Олег со всеми войсками Руси на 2 тысяча судов атаковал Царьград в 907 году. Вернулся в Киев с золотом (деньгами), паволоками (дорогими тканями), экзотическими плодами, вином и узорочьем всяkim (ювелирными изделиями). Послы Олега в 912 году добились от императора Льва (Леона) продления договора примерно на таких условиях, да и приняли христианство. При этом послам были показаны огромные богатства имперской казны.

Этот император Лев Философ (886 - 911) в уставе о чине церкви, подчиненных Константинополю, церковь Posia (бывшая Скифия) указал 61, ранее Аланской. Боспорская епархия значилась 29, Метраха (Тмутаракань) - 39-й. Русь уже признавалась частью христианизированного мира, его финансово-кредитных отношений.

Велика вероятность, что Олег смог получить с Византии сумму на уровне Аттилы или уровня аварского похода 617 года. Правда, летописи утверждают, что Олег получил дани по 12 гривен на человека, а в его войске было 80 тыс. человек (две тысячи судов по 40 ратников на каждом). Выходит, затребовал русский князь с империи 960 тыс. гривен (литр золота), что в три раза больше грандиозных накоплений византийской казны при императоре Анастасии.

На эти средства можно было построить десятка два каменных Софийских соборов, каких всего два затем и возвел Ярослав Мудрый в Киеве и Новгороде. Но, вероятно, большая часть средств оказалась проеденной, разбазаренной. 960 тыс. гривен-мин - это 16 тыс. талантов (почти столько имела Великая Персия времен Дария 1 при организации за 14 веков до Олега мощных походов на Великую

Скифию). Летописцы вполне могли знать о сопоставимости древних и средневековых ратных походов, их финансового обеспечения.

Верить летописям все же особо не следует. По византийским данным, Святослав со своей дружиной служил империи всего за одну-две тысячи золотых гривен (27 пудов золота). Вероятно, Олег имел поменьше - от летописных данных, - судов и воинов, да и получил поменьше дань. Но заметное накопление денег в северной державе все же было устойчивым многовековым и многотысячелетним (от времен Скифии) процессом.

Первый глава «центробанка» Руси?

Вопрос о первом русском банкире всегда будет открытym. Им можно считать эпического родоначальника сколовотов (самоназвание скифов) Колоксая, который хранил у себя около 35 веков назад золотые символы Скифии - плуг, ярмо, секиру и чашу. Или полуэпического царя Арианта, собравшего в 650 году до н.э. со всех скифов по бронзовому наконечнику стрелы (из стрел отлили огромную чашу-колокол). Или реального приазовского царя Мадия, который завоевал 26 веков назад много стран вплоть до Египта и Индии (и его завоевания затем повторил Александр Македонский). А из скифских граждан - частных банкиров, - почти 23 века назад известен Протоген. Он заложил свои значительные драгоценности для обеспечения средств своим согражданам в борьбе за освобождение. Подобных античных примеров очень много.

Средневековая общеизвестная Русь их дает тоже вполне достаточно. Послы русского князя в 907 году Карл, Фарлаф (Варлав), Вермуд, Рулав и Стемид имели право вести переговоры о размере дани. Русские мужи-послы в 912 году привезли князю от императора золото, паволоки и другие драгоценные ткани. Объемы даров явно были немалыми.

На границе Болгарии и Византии в 904 году был установлен рубежный камень с надписью. Надпись наряду с императором и властителями Волгар (Болгар) упоминает Феодора Ольга-Тракана. Князь Олег, по сути, участвовал в противоборствах Болгарии и Византии не позднее 904 года. И был крещен, как еще в 619 году были византийцами посвящены в христианство приазовский царь Гостун и затем - царь Кубрат, отец Аспаруха, создавшего Болгарию южнее Дуная.

Одним из первых известных частных и влиятельных банков средневековой Руси был, вероятнее всего, около 950 года иудей Малк Любечанин. Иудейские общины указываются в Скифии со времен Фалека и Рагава (или Нектана-Иоктана), прапарулов Авраама. Иудейская община в Фана-

гории (Тамань) была достаточно влиятельна и в начале нашей эры, чему немало археологических подтверждений. Принятие элитой Хазарии между Волгой и Доном иудейства с 740 года абсолютно подтверждено.

Для науки влиятельность иудейских общин в средневековой Руси является аксиомой (сказки о притеснениях евреев русскими оставим на совести авторов этих сказок). Скифские (русские) евреи - это в итоге достаточно яркие и интересные страницы отечественной истории. И все россияне, включая интересующимися историей отечественного банковедения, вправе это знать и - нередко - этим гордиться. Например, Владимир Ульянов (Ленин) - иудей по матери, Мериам (Марии Бланк). Хватает и других «неожиданных примеров» в истории отечественного банковедения. Однако и не в национальности родословных абсолютно суть дело.

Счет денег и их охрану случайному человеку царь или князь не поручит. Еврейские (по сути - полиэтнические, многонациональные) общины с античных времен этому своим членов упорно учили. Княгиня Ольга назначила своей ключницей (хранительницей казны, тогда «центрального банка» Руси) Малушу. Дочь именно Малка Любечанина (из приднепровского или прибалтийского Любеча, последний позже стал Любеком - центром Ганзы). Сестрой Малуши был Добрыня - педагог (дядька) будущего князя Владимира. А сам Владимир (Вальдемар скандинавских саг) родился от внебрачных (?) связей Святослава с Малушей (при рождении Владимира в 960 году Святославу было около 16 - 18 лет). Позже от скандинавской иудейки (?) Рогнеды (дочери полоцкого князя Рогволода) у Владимира родился сын Ярослав, которые скандинавские саги прямо называют Ярицлейбом (имя - абсолютный иудаизм). Так как Ярицлейб поставил новгородцам епископом Луку Жидяту, влиятельность иудейской общины в Великом Новгороде стала почти очевидной. Святополк в опоре на Польшу и соседние страны пытался противодействовать этому влиянию, но былбит сторонниками средневекового атлантизма.

Держание иудеев (знавших толк в деньгах) при княжеской казне, вероятно, было устойчивой традицией. Так придворной казной Андрея Боголюбского ведал до 1174 года иудей Ефрем Мозевич. Вместе с осетином Анбалом он организовал заговор. Сын Юрия Долгорукого и половецкой княжны был убит. Полиэтничная природа отечественной элиты, особенно в сфере финансов, общеизвестна и ныне.

При Владимире и Ярославе Мудром (царе Ярицлейбе) на Руси возобновляется отечественная чеканка монет, существовавшая почти тысячу

лет в городах Приазовья с VI века до н.э. (в округе Дона даже около 830 года нашей эры). Бояре не могли долго соперничать с великими князьями в объемах своих кредитных ресурсов. Но удельные князья, включая добивавшегося руки Ольги древлянского князя Мала, были вполне в силах представлять внушительные кредиты.

Если на Новгородской земле найдено 26 кладов арабских монет и около 40 отдельных экземпляров IX - X вв., то затем доминируют западноевропейские денарии - 45 кладов и 83 отдельных экземпляров (счет год от года изменяется). Клад - это зачастую «индивидуальный банк», свидетельство накопления отдельным человеком или общиной своего кредитного ресурса.

Новгород в 1993 году подарил археологам клад из 59 в основном европейских монет, в основном чеканенных в различных городах Германии до 1025 года. 21 монета конца X века происходила из Англии. В кладе встречены и 2 византийские монеты. Вес клада 69 граммов соответствовал «гривне кун» того времени. Западноевропейские денарии наследовали названия античных римских, но были в 4 раза легче (по весу и значению напоминали римские систерции). Динарий делился на 4 систерции и 16 ассов (последние по весу снижались до четверти грамма). Клад был обнаружен в том месте, где позже процветала ростовщическая усадьба новгородского боярина Петра Михалковича.

Краткая Правда (Русская, свод отечественных законов с XI в.) денежный счет основывала на равенстве 1 гривна = 25 кунам. При полноценной гривне-рубле (в половину античной мины) куна оказывается равной античному сиклю - около 8 гр. А сама «Русская правда» наполнена, как и все варварские правды, различными совпадениями с законами Хаммурапи и подобными им, которые определяли жизнь на путях из Скифии к Египту 40 - 35 веков назад. Это отражали и берестяные грамоты. Грамота № 567, относящаяся примерно к 1350 году, восклицает: «Дайте истину, да те не повергните гозбе» (Дайте кредит - капитал, денег в долг, чтобы не бросить дальнюю торговлю (с выгодой).

По статьям 99 - 103 законов Хаммурапи признавалась возможность взаимокредитования для ведения внешней торговли. Правда, если заемщик «не наживет прибыли там, куда направится, то должен отдать взятое серебро вдвое». Если ему выдавалась беспроцентная ссуда, то надо было вернуть истину - основную сумму. Хаммурапи признавал и форс-мажоры. «Если на пути неприятель отнимет у него все, что он вез, то ответчик должен покляться богом и быть свободным от ответственности».

С последними случаями новгородские купцы-кредиторы в средние века сталкивались довольно

часто. Невозвращение ссуд в связи с грабежами и подобными обстоятельствами - обычная практика до сих пор. Пираты Готланда потопили 7 ладей новгородских купцов в 1130 г. Датчане конфисковали товары новгородцев в 1134 году. Русские купеческие корабли грабились у берегов Дании в 1157 году. Никаких средств для откупа от этого не хватало.

Наряду с «гривной кун» со времен Ярослава Мудрого постепенно Новгород использует «гривну серебра» - слитки весом около 200 граммов (эти слитки нередко поступали из Европы, но иногда выплавлялись и самими новгородцами). Земли Скифии вплоть до Югры (Северного Урала) были наполнены античными кладами. Затем здесь скапливались сасанидские блюда, другие раннесредневековые драгоценности. К сожалению, «это старье» тоже шло в переплавку на слитки, как затем превращались в золотые слитки сокровища древних американских народов. Но в Скифии свои плавили драгоценные древности своих пращуров-земляков. Иван Калита в 1322 году очень гневался на новгородцев, требуя у них «серебро закамское» (в основном из кладов).

Слиток золотистой бронзы весом 360 гр, произведенный в Швеции около 1150 года и почти тут же оказавшийся в Новгороде, найден археологами (подобные слитки встречены и на Готланде). Купцы-заморцы построили в городе в 1156 году церковь Параскевы-Пятницы - покровительницы торговли. искали у святой защиты, но она редко помогала. По сути использование слитков (в виде гривен) было попыткой вернуться к золотым монетам античности. Но попытка не удалась.

Ростовщичество по античной традиции процветало во многих городах Руси, вполне оживляло экономику, чему немало свидетельств в новгородских берестяных грамотах и других средневековых документах. «Вопрошание Кирика», написанное между 1130 - 1156 годами, критикует эту практику с позиций веры:

«А в отношении процентов (кредита, намъ), иначе говоря лихвы, (епископ Нион) так велел учить. Если (учишь, наставляешь) попа, то скажи ему: «Не подобает тебе служить, если не оставил (ростовщичество); а если мирского человека, то скажи ему: «Не подобает тебе брать процентов (намъ)». Если же не могут отступиться (от ростовщичества), то скажи им: «Будьте милосердны, взымайте полегче: если дал (из расчета) по 5 кун (процентов), то возьми по 3 и по 4» (В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977 - 1983 гг. М.: Наука, 1986. - С. 165 - 166).

Священники и миряне были взаимокредиторами в XI - ХІІ вв. на Руси очень увлечены. Проценты именовались - намъ, лихва, наклад, изрост и т.п. Отдать с лихвой считалось престижным делом.

5 кун с гривны-кун (40, 50, 60 или 100 кун в гривне) соответственно давали процент - 12,5; 10, 8,3 или 5 процентов в год. Вполне подъемные ставки. Но монах Кирик, которого считают одним из первых известных средневековых русских ученых (например, математиков), вместе с Нионтом явно знал и устойчивые римские проценты - 6 в год. Поэтому и рекомендовал 3 или 4 куны. От гривны-кун в 50-60 кун примерно такой процент тогда и выходил.

Частные банкиры Руси

На настоящий момент самым ранним частным кредитным документом средневековой Руси признается новгородская берестяная грамота № 526. Она относится примерно к 1080 году. Найдена в тех местах, где встречена «гривна кун», весом в западноевропейских монетах. Тогда частный новгородский банкир, имя которого пока неизвестно, написал для себя на бересте напоминание, кто, где и сколько ему должен (12 должников банкира жили от реки Шелони до озера Селигер, в основном на территории современной Новгородской области):

«За Бояном в Русе гривна (долгу). За Житобудом в Русе (это первое упоминание города Руса, Старая, в письменном источнике: П.З.) 13 кун и гривна основного капитала (кредита; истины). На Луге за Негорадом вместе с процентами 3 куны и гривна, за Добровитом с людьми 13 кун и гривна. За Нежком на Прожневице полгривны, за Сиромом без двух ногат гривна. На Шелони за Добромуслом 10 кун, за Животком 2 гривны мелкими. На Селигере за Хмуном и за Дроздом 5 гривен без куны, за Азгудом и за погощенами (жителями села Погощи) 6 гривен и 9 кун. В Дубровне за Хрипаном 2 гривны и 19 кун» (Там же. С. 212).

Если считать, что здесь в основном указаны суммы процентов - более 15 гривен, то новгородский банкир около 1080 года дал займы около ста гривен (треть от ежегодных выплат Новгорода киевским вязьям). При любых спорах, для того времени это был достаточно состоятельный человек. И нет уверенности в том, что все должники все сполна ему вернули. Грамоты №№ 215, 218, 410, 509 и другие подтверждают, что в текстах обычно указывались проценты выплат, а не истина - сумма взятого кредита.

Несколько позже усадьба, у которой найдена грамота, принадлежала знатному боярину Аврааму Матвеевичу. Вероятно, его род и был одним из самых первых известных частных «банкирских родов» средневековой Руси.

Около 1126 года здесь было построено здание новгородского суда. Примерно с 1150 года глав-

ными судьями по сути были боярин Петр Михалкович и посадник Якун Мирославович, а в конце того века - сын Петра, Олисей-Гречин, и посадник Мирошка (Мирослав) Несдинич. Они по существу оказывались и главными частными банкирами Новгорода, так как одновременного оказывались и правовыми гарантами кредитов, да и исполнительными властями, следившими за возвратом.

Влиятельность новгородского «банкира» Петра Михалкова привела к тому, что Юрий Долgorukий («основатель Москвы») в 1155 году женил своего сына Мстислава прямо в Новгороде на дочери боярина. Новгородцы через два года, правда, Мстислава изгнали. Андрей Боголюбский в 1162 году «попросил» родного брата с его большой свитой еще дальше - в Византию. Там император Василий предоставил бывшему новгородскому князю и его родне волость Оскалана и у «Дунаи 4 горы» (крепости). Возможно, это и привело к распространению на некоторых родичей Петра прозвища Гречины.

Жена Петра Марена (Мария) может считаться, в отличие от казнохранительницы Малуши, первой известной женщиной-частным банкиром средневековой Руси. Конечно, она действовала нередко по указаниям мужа, но явно была влиятельным лицом. Вот только некоторые из берестяных писем, направленных более 8 веков назад.

«Привет от Петра к Демше. Дай Микуле Кишке гривен шесть, взявши у Марены. Приведи его сам, дай в присутствии Марены. А если попросит Ярко, то тому не давай. Приветствуя тебя. Сделай же милость, исполни сам (не перепоручай кому-нибудь)».

Формула «привет от к» является очень распространенной в античности, особенно в Древнем Риме. Присутствие свидетелей при заключении сделок требовали 38 веков назад законы Хаммурапи (ст. 3, 9 - 11, 13, 122 - 124 и др.), созвучий которым много в «Русской Правде».

Или еще письмо:

«От Петра к Марене. Если начнет князь наделять (кредитами?) купцов и если пришлет к тебе, то ты ему скажи: Ты, князь, ведаешь, сколько людей прошлой зимой унес мор (голод?)».

То есть князю Марена должна была рекомендовать больше заботится о пропитании людей, а не о кредитовании заморских купцов. И ее заботу о насущных нуждах граждан отразило другое письмо:

«Поклон от Завида к тетке. Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Марене, поскольку я приду и ты тогда отдашь назад зерном же. Кланяюсь тебе».

Эквивалентность выплат зерном и серебром известна со времен Шумера и Вавилона на торговых путях из Скифии к Египту и Индии. И новго-

родские право и обычаи следовали в русле многотысячелетних традиций. В.Л. Янин отметил эпическую глубину символики имен Марена-Мария:

«Ведь Мария - имя христианское, а Марена - языческое, имеющее глубокие мифологические и фольклорные корни. В календарной русской обрядности так называлась деревянная или соломенная кукла, которую сжигали либо топили в воде во время купальских игрищ как символ умирания и воскресения природы. В народном сознании образ Купалы слился с фигурой Иоанна Крестителя, а Марены - с девой Марией. Эта параллель наглядно выступает в названии купальского цветка «Иван-да-Марья»» (Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. - В.Н.: НовГУ, 2001.- С. 21).

Очень древний культ Кибелы-Купалы начал восстанавливать в Скифии почти 26 веков назад мудрец Анахарсис, за что родным братом, царем Савлием, был и убит. С веками культ все же восторжествовал, но мало кто на Руси уже Анахарсиса помнил.

Новгородский мастер Братило изготовил кратир (чашу для причащения вином) с надписью: «Се сосуд Петров и жены его Варвары». Считают, что кратир сделал по заказу посадника Петрилы Микульчича, погибшего в битве в 1134 году. По заказу мастер Коста сделал почти абсолютную копию братиловского кратира с посвящением: «Се сосуд Петров и жены его Мары». Марье на сосуде посвящено изображение Богоматери, Петру - апостола Петра, а их дочери - изображение святой Анастасии.

Считается, что кратиры подарены Софийскому собору в год свадьбы Анастасии и Мстислава - сына Юрия Долгорукого. Ныне сосуды экспонируются в Великом Новгороде, показывают уровень зажиточности банкирской семьи Петра и Мары-Марены, возможности их кредитных ресурсов и залогов.

Андрей Боголюбский в 1170 году решил оградить разбогатевший город. На стены Новгорода вынесли икону «Знамение Богоматери», которая якобы и спасла новгородцев от разгрома. На обороте иконы изображены апостол Петр и св. Анастасия (позже смененная св. Натальей). Вынос иконы произошел в двух-трех сотнях метров от усадьбы Петра. Икону нес посадник Якун Мирославович (в грамотах - Якша). Он тоже входил в новгородскую финансовую элиту. И в 1176 году выдал свою dochь за внука Юрия Долгорукого - Мстислава Ростиславовича. А «Битва новгородцев с сузальцами» стала популярной темой новгородской иконописи.

Время новгородского банкира Петра связано с рядом и других ярких событий. Новгородский купец Сотко Сытинец на свои средства в 1167 году построил в кремле храм Бориса и Глеба, который

соперничал по размерам с Софийским собором. В храме хранились языческие святыни города, включая «палицы Перуна». Храм через несколько веков рухнул и не восстанавливался. А купец остался в былинках в образе Садко - символе экономического успеха за счет мобилизации всех собственных ресурсов.

Около 1171 года в Новгороде «представился посадник Васка Буславич». Историки такого посадника не знают. Но имя тоже превратилось в былинное.

По сути во времена Петра Новгородского в городе сложилась особая творческая атмосфера, в которой созданы яркие памятники отечественной литературы и искусства.

Продолжил дело отца по «банковской» линии, но стал и выдающимся русским художником Олисей Петрович Гречин (допускают, что он бывал в Греции-Византии; в частности, на его усадьбе найдено и немало фрагментов греческих амфор и иных характерных предметов). К творчеству Олисея относят икону «Спас Нерукотворный - Поклонение Кресту» (ныне в Успенском соборе Московского кремля), росписи в храмах городов Русы и Новгорода, включая фрески знаменитой Спас-Нередицы. И даже столь состоятельный художник ростовщичеством не брезговал (Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника ХП в. М.: Наука, 1981). Он был финансистом и судьей. Одна из грамот свидетельствует:

«От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы оба знаете, что я тяжбу не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые (вы) посыпали князю Давыду» (гр. № 603).

Смолига с кем задумал тягаться?! Князь Давыд откликнулся на посулы всего в 20 гривен. А семья Гречина явно уже имела этих гривен сотни. Не брезговали накоплениями за счет «роста» (лихвы, намы) и десятки других влиятельных новгородцев. Зело богатела огромная Новгородская земля, занимавшая восьмую часть Европы и являвшаяся одним из развитых средневековых государств на планете.

Советник и камергер герцога Бургундского, фламандский рыцарь Гильбер де Ланнуа - как воин, дипломат и путешественник, - объездил почти всю Европу, побывал в Египте и Сирии. И посетив в 1413 году Новгород, заметил:

«Великий Новгород - удивительно большой город; он расположен на большой равнине, окруженнной большими лесами, и находится в низкой местности среди вод и болот. Этот город независим и имеет общинное правление. Внутри упомянутого города живет много больших сеньоров, которых они называют боярами, и там есть такие горожане, ко-

торые владеют землей в 200 лье (тогда около 900 км протяженностью) длины, богаты и могущественны удивительно. И не имеют русские других властителей, кроме этих бояр, выбираемых по очереди (посадниками: П.З.), как хочет община» (Цит. по: Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. СПб.: изд. РБИЦ БЛИЦ, 1999. - 208 с.).

Удивительное могущество новгородской знати проистекало именно из огромных богатств контролируемой ими земли. Накапливало после Ярослава Мудрого немалые кредитные возможности знаменитое новгородское купеческое объединение «Иваньское сто». Вступительный взнос сюда составлял 50 гривен (стоимость не менее 50-100 коров). Это была одна из форм традиционного для северян артельного складничества. По сути мытарства лады купцов-складников на Дунае описал в своей притче почти 26 веков назад и скифский мыслитель Анахарис.

«Иваньское сто» напоминало и западноевропейские купеческие гильдии. Братство совместно ведало делами торговли и обеспечивало купеческий суд. Оно контролировало единые стандарты - весы для воска, безмен для меда, локоть для сукна, гирьки для различных весов.

Как во времена торговых договоров Скифии с Римом (434, 447, 467 и т.п.) или Руси с Византией (907, 912, 944 и т.д.), Великий Новгород стремился поддерживать договорные экономические отношения прежде всего со странами Балтии (вскоре Ганзой). Подобных международных договоров Новгорода более десятка. И возможности взаимокредитования в этих договорах иногда просматривались.

Великий Новгород твердо отстаивал экономические интересы своих граждан. Так в грамоте 1418 года Новгорода Риге от имени архиепископа Симеона и тысяцкого Кузьмы Терентьевича высказывалось требование суда над Инцей Зашембакой и его братом Артемием, переводчиком Ливонского ордена. Братья неуплатили за услуги новгородцу Александру Трифоновичу 50 рублей (для возможностей города - доли процентов). Так «копейка рубль берегла».

Богатый Великий Новгород рассматривался на Руси как банк, который - если его победить или припугнуть, - может дать и существенные суммы «безвозвратных кредитов». По договорам около 1317 года Новгород якобы согласился выплатить тверскому князю Михаилу (за спиной которого стояла Золотая Орда) от 12 до 50 тыс. гривен серебра. Новгородцы до 12 тыс. гривен, возможно, и выплатили. Но гривна по величине металла уже сравнялась с бывшим рублем (ранее он был в полгривны), имела вес всего в 175 г. В итоге Новгороду мир с Михаилом обошелся примерно в 50 античных

талантов (в сто пудов серебра). Гарантом новгородских выплат был архиепископ Давыд.

По сути банкирами нередко становились и сборщики податей. Например, около 1136 года по дате с населения у Онежского озера собирали Домажирич (условно «Жирующий на домах»). По уставной грамоте князя он должен был выдавать новгородскому епископу 100 гривен новых кун от вир (штрафов, налогов) и продаж. Но если Домажирич не набирал такой суммы, то недостающие деньги (правда, не больше пятой части) он мог получить для епископа из княжеской казны-клети.

Русская знать умело играла на различных девальвациях. Уже со времен Рюрика куна-дирхем нередко сводилась к весу 2,73 г серебра. Гривна кун иногда опускалась до 49 г серебра. И такими в два-три раза сокращенными по весу деньгами шли оплаты прежних по потребительной стоимости товаров и услуг. Противодействовать этому население внутри своей страны не могло - произвол властей был почти тотальным.

Дмитрий Донской смог получить с Новгорода от 8 до 12 тыс. гривен, несколько компенсировавших потери Москвы от Куликовской битвы. Москва в 1456 году имела с Новгорода контрибуции в 8500 рублей. После Шелонской битвы в 1471 - 1472 годах получила с новгородцев почти 20 тыс. рублей. В основном это были средства бояр и духовенства, но уровень выплат вполне показывает финансовые возможности Новгорода и финансовые потребности Москвы при контактах с новгородцами.

Новгород имел иностранные торговые дворы. Побывать в городе на Волхове по торговым делам было престижно, но и дорого. Любек в 1371 году на посольство субсидировал 1000 марок, что затем требовало вернуть от ливонских городов и немецких купцов в самом Новгороде. На посольство 1392 г. Любек израсходовал 1685 марок, да примерно столько добавил город Висбю (Готланд, Готский берег), который еще спустя 20 лет требовал от немецких купцов возврата кредита. Вероятно, на подобных условиях кредитовала и казна Новгорода свои посольства за границу.

По уставу (скре), составленному для Немецкого двора в Новгороде около 1325 г. и пополняемому статьями позже, немецкие купцы были не прочь кредитовать серебро горожанам. Статья 63 скры строго требовала - «никто не должен приносить русским серебро на дом, (иначе) штраф в 10 марок, а за другой товар - 1 марка» (Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. - В.Н.: НовГУ, 2001. - С. 348). Если охрана допускала русских на территорию двора (церкви), то тоже штрафовалась за каждый случай 10 марками. Но в пять раз большими штрафами наказывались купцы, кото-

рые привозили на берега Волхова торговать «чужеземных гостей» - ломбардцев, фламандцев и подобных. Конкуренция была уже жесткой конкуренцией. Германские города особо не пускали на Русь англичан и их ближних соседей.

Только верхам немецкого купечества разрешалось знать русский язык. Скра статьей 92 требовала: «Ни один ученик старше 20 лет не должен изучать русский язык ни в Новгородской земле, ни в самом Новгороде, кем бы он ни был, если он хочет пользоваться правом купеческой общины. Это установлено в 1346 году в праздник храма св. Петра» (С. 355). При дворе имелся переводчик, которому за услуги платили 8 гривен серебра. И эту часть дохода двору не хотелось терять.

Иноземные дворы кредитовали средневековых русских купцов крайне неохотно и малыми суммами, да и пока вероятность такого кредитования зачастую предположительна. После присоединения Новгорода к Москве в Ревеле (Колывани) казнили двух русских купцов. Иван III распорядился в 1494 году Немецкий двор закрыть, а имущество и купцов арестовать.

Стоимость конфискованного превысила 96 тыс. марок. Арест застал в фактории 49 купцов из 18 ганзейских городов, включая 17 человек из Любека, 7 из Дерпта (Тарту), трех купцов из Дортмунда, двух из Шверина. Были купцы из Ревеля, Гамбурга, Франкфурта и т.п. Затем новгородско-ганзейские связи вновь восстанавливались, но развивались больше в интересах Москвы.

Кредитование во времена Московии

Иван III подумывал о переносе столицы в Новгород, поближе к выгодной заморской торговле. По его повелению на месте старого княжеского двора на берегу Волхова к 1502 году вырос царский дворец. Особенно старались в городе купцы Сырковы. На их средства к приезду Василия III в 1510 г. построили новый мост через реку. А рядом с царским дворцом возвели храм Жен-Мироносиц. Сырковы быстро богатели, на их средства в округе города обустроили 16 монастырей. Вместе с купцами Таракановыми и иными Сырковы происходили из гостей-сурожан. Москва способствовала их переселению в Новгород в конце XV века.

Сурожанами обычно называли купцов, постоянно торговавших - с использованием Донского пути, в Суроже (Судаке) - тогда итальянской колонии в Крыму. Донской путь на север известен со времен аргонавтов. Он активно использовался в средние века, по этому пути Святослав вернул Руси влияние в священном Приазовье (Босфорском царстве - Тмутараканском княжестве).

Члены первой английской торговой экспедиции, посетившие Россию в 1553 - 1554 годах, отметили: «После Москвы первое место занимает Новгород, хотя и уступает ей в великолепии, но зато превосходит обширностью и составляет как бы рынок целой империи». Однако сами англичане этот рынок решили не развивать. Их корабли прошли Северным морским путем до устья Северной Двины. В основанный в 1584 году Архангельск стали приплывать голландские и французские суда, которые успешно конкурировали с немецкими купцами, все еще стремившимися сохранить влияние в Новгороде.

Рынок целой империи имел существенные финансовые ресурсы и влияние. Иван Грозный решил переместить сюда всю казну (400 подвод уже двигалось к Новгороду), а затем и столицу. Сдача Изборска литовцам в 1569 году остудила пыл. В измене заподозрили двоюродного брата Грозного - князя Андрея Старицкого, тоже имевшего резиденцию на берегах Волхова. Царский погром города был ужасен. Особым пыткам подвергли главного новгородского богача Федора Сыркова.

Разведчик польского короля Сигизмунда Альберт Шлихтинг свидетельствовал о том так: «Именно этот человек был богат до такой степени, что можно видеть 12 монастырей, выстроенных и основанных им на свой счет. И тиран выпытывал у этого несчастного 12 тысяч серебряной монеты. После неслыханных истязаний, которые в свирепости своей тиран проявил к Федору, вымученную большую сумму денег и имущества он положил в свою казну, а тело уже мертвца велел разрубить на части и бросить в реку. Так погиб и его брат Алексей». Была ограблена прежде в основном только пополнявшаяся огромная казна Софийского собора. Чрезвычайная контрибуция накладывалась на 27 окрестных монастырей. В сопоставимых ценах «рынок империи» понес убытки примерно в миллион гривен периода правления князя Олега. И хотя город затем еще понемногу иногда богател, погром Грозного, пожалуй, окончательно вывел его за черту ведущего финансового центра страны.

Ивана Грозного в мировой экономической науке относят к видным меркантилистам времен перехода от средневековья к новому времени. В тот период в Европе появляются талеры (от них ведут название «доллара») - серебряные монеты из города Иохимстала (Яхимова) в Чехии. На Руси их называли «ефимки», что уже считались валютой. Новгородские купцы привлекались к закупкам такой валюты. Так в 1656 году купец Семен Стоянов получил из царской казны 14 500 рублей для приобретения ефимков - это высокопробное серебро шло на производство российских монет.

Деньги и цены на территории бывшей Новго-

родской земли с веками изменились. В нынешних северных областях Россия, начиная с Архангельской, в 1601 году бык стоил 1 рубль, корова - 80 копеек (что близко 10 - 15 сиклям более трех тысяч лет назад). Лошадь оценивалась в 3 - 5 рублей (примерно в древнюю мину). В современных мерах килограмм соли продавали по 0,75 копейки, килограмм ржаного хлеба - 1 копейка (центнер - рубль, или пол-сикля в древних деньгах). Бочка пива (около десяти ведер) - 75 копеек. Ведро вина - 8 копеек. Книга «Нового Завета» (Евангелие) - 50 копеек. Шкура бобра - 1 рубль. Шкура соболя - 1,5 рубля (на шубу обычно уходило около 20 шкур).

За месяц работы плотник получал 25 копеек, чернорабочий - 9, рыбак - 14, грамотей при работе (писец, управленец) - 40, сторож - 3, человек при торговле (продавец, приказчик у купца, «менеджер по продажам») - 30 копеек (Новгородские ведомости. 2001, 25 сентября. С. 7).

Правда, оплата труда чиновников росла. Если в 1627 году основная часть окладов подъячих (главных специалистов и столонаачальников) новгородской Приказной палаты не превышала в год 10 рублей, то к концу века приблизилась к 20 - 25 рублям. Приказная палата делала примерно то (судила, взимала налоги и т.п.), что осуществляла за пять веков до этого боярин Петр со товарищи. Но в палате в 1691 году работало 77 подъячих. Таможенную избу обслуживали 2 дьячка. Троє дьячков служили в Земской палате. Плохо-бедно, но одну-две тысячи своих рублей за труд сообща требовали. Почти тысячу коров или быков, по десятку коров на брата (около 60 - 120 тыс. рублей в современных ценах).

Новгород до Петра I богател на добыче соли и транзитной торговле. Через город (здесь существовала таможня) шли товары на сумму в сотни тысяч рублей в год (а в рубле указывалось по 200 денег). Видным частным банкиром и купцом в этот период становится новгородец Семен Гаврилов.

Так, по заемным кабалам, росписям и записям только в 1680 году у Гаврилова в долгниках было 42 человека - иностранцы, служители церкви, охотники Бронницкого яма, стрельцы, калачник, обручник и другие. Общая сумма их долга составляла свыше 4127 рублей. По числу долгников Гаврилов превысил новгородского «банкира» 1680 года почти в четыре раза, а по сумме выданного кредита - почти в десять раз. Еще в 1676 году в Москве взяли в долг у купца 300 рублей священники «Дома святой Софии», что через несколько лет с трудом отдали.

Записные книги Новгородской судной палаты являются имена и других крупных кредиторов - Семена Стоянова, Никифора Микляева, Василия Никифорова и ряда других. Ответчиками по денеж-

ным делам обычно выступали посадские люди, называвшие кредиторов «ворами» и «грабителями».

При Алексее Михайловиче в 1655 году возобновил деятельность Новгородский денежный двор (его закрыл царь Михаил в 1628 году двор в свое время чеканил монеты и для шведов). В основном выпускались медные деньги, например, 400 тыс. рублей в 1660 году. Понятно, хватало в деятельности двора и злоупотреблений.

Новгород все больше проигрывал Архангельску в объемах внешней торговли, о чем свидетельствовали и таможенные поступления. Доходы новгородской таможни в 1655 году составили 5 349 рублей, Архангельской - 67 508 рублей. Таможня Новгорода в 1691 году дала 17 693 рубля, Архангельска - 82 800 рублей.

Стоимость перевозок за пуд груза от Москвы до Новгорода в те годы обходилась зимой в 6 - 9 копеек, летом - до 30 копеек. Да еще от Новгорода до Нарвы зимой платили до 3 копеек, летом - до 6. Стоимость перевозок до Архангельска была раза в полтора дороже, но все же для негерманских купцов привлекательнее.

Элита делового мира России в 1649 году состояла из 13 «гостей» (называемыми как бы и в память о священной для скифов богини Гестии-Табити; покровительницы домашнего очага, гостеприимства и добрых вестей), 158 человек «гостинной» и 116 человек суконной сотни. Гости имели право на заграничную торговлю, приобретение вотчин и подсудность непосредственно царю. Их капиталы оценивались в 20 - 100 тыс. рублей. Новгородские гости Харlamовы, Стояновы, Микляевы, Гавrilovы входили в деловые верхи державы. Из Новгородской земли происходил, в частности, и знаменитый род купцов Строгановых.

При увеличении торгово-кредитных оборотов усиливался и «правеж». Неисправного должника на площади перед приказом ежедневно «правили» (били) прутьями. Если деньги за месяц не выколачивали, отдавали на отработки истцу. Уложение 1649 года оценивало при отработках год работы мужчины в 5 рублей, женщины - в половину, детей - в два рубля.

Ссудное законодательство на Руси с веками менялось. Ссудный процент во времена Стояновых и Микляевых достигал 20% (разрешалось кредит погашать за пять лет). Уложение 1649 года почти на век запретило процентные ссуды, но уже с неzapамятных времен умели всякие законы обходить.

Кабалу (долговое обязательство) выписывали на сумму, в которой заранее учитывались проценты. Например, боярин Морозов в 1667 году выдал бобылю Телятникову ссуду в размере 22 рубля, а кабалу на него взял на 50 рублей (по десять в год).

Лишь Манифестом императрицы Елизаветы с 1754 года брать проценты вновь разрешалось. Предельно допустимая ставка устанавливалась в 6%, как в развитой Римской империи или в наставлениях новгородского монаха Кирика в XII в.

Новгородская элита к «Соборному уложению» оказалась очень внимательна. Уже в первой половине 1650 года скупила 45 экз. сравнительно дорогих книг. По числу покупок этого свода законов новгородцам заметно проигрывали покупатели из остальных 32 городов страны. Но интересовались «гости» и «гостевые» и учебниками - Псалтырю, Библией, Евангелием - покупали сотнями, чтобы иногда с выгодой перепродавать в самом городе и окресте.

Дальнейшие вопросы интересующей нас истории неплохо изложены в книгах С.Я. Борового «Кредит и банки России (середина XVI в. - 1914 г.)» (М., 1992), В.В. Ананьича «Банкирские дома в России (1860 - 1914 гг.)» (М., 1992) и подобных изданиях. Они частью посвящены и истории российского банковского дела, кредитования последнего столетия.

При любых спорах понятно, что Россия, по сути, продолжала и продолжает многие геополитические заботы Скифии Великой, включая и сферу финансов. И мы должны делать все для того, чтобы важные звенья многотысячелетней экономической истории нашего отечества, хотя бы из памяти самих россиян, не выпадали. Как на это смотрят российские банкиры и финансисты?!

Средневековая Русь не могла похвастать крупными банками, но казна Великого Новгорода по сути оказывалась таким банком и выполняла со времен князя Олега необходимые сборы и выплаты. Развитое ростовщичество XI - XII вв. доказывает существование соответствующего ростовщичества в предшествующее время, о чем говорят и разнообразные клады времен первых Рюриковичей.

Книга М.Н. Барышникова «История делового мира России» (М.: АО «Аспект Пресс», 1994. - 224 с.; 5 тыс. экз.) является интересной и полезной попыткой современного осмысления и финансово-кредитного прошлого страны. Однако отечественной античности (например, финансов Боспорского царства Приазовья, не говоря уже о Скифии) в издании нет. А реальным средним векам посвящено всего несколько страниц. Опричный погром Новгорода автор отнес к 1517 году (с. 11), да и явно не увидел в средних веках чего-либо достойного подробного изложения. А ведь на плечах античности и средневековья и высится финансовое величие России последних пяти столетий. Не будем этого забывать - грешно все же перед существенными античной и средневековой истинами.